Перед жизнью и крыльцом

Я маленький мальчик. Татарин.

Я не знаю, что такое татарин. Папа мне сказал:

— Наиль, запомни, ты татарин. Мы все татары. Я татарин, твоя мама татарин, твоя брат и сестра татарин, и даже тетя Роза, которая приходит в воскресенье за селедкой, тоже татарин. А особенно татарин твой дедушка Малик.

Дедушку я не любил. Не то, чтобы не любил. Я его боялся.

Дедушка был маленький, как его имя, и у него был только один глаз. Еще у него была лошадь и повозка. По воскресеньям он ездил по городу и кричал: «Шара-бара!!! Шара-бара!!!»

Это значило, что он собирает старые вещи. Дети крали из дома любые вещи родителей, какие попадались под руку, и тащили к нему на повозку. Дедушка внимательно смотрел на вещи стро-

гим глазом и, в зависимости от того, что решал глаз, выдавал детям из деревянного ящичка, на котором сидел, сладкую тянучку или шарик на резинке.

Если вещь была очень хорошая или новая, дедушка давал и тянучку, и шарик.

Где он брал эти тянучки и шарики?! Никто не знал. В магазинах их не продавали.

Друзья мне завидовали.

— Ты, наверное, гад, каждый день тянучки ешь? — говорили они.

— Нет, — отвечал я правду, — дедушка дает мне только подзатыльники.

Мне не верили и завидовали. Почему-то это было приятно.

Дедушка приходил к нам один раз в неделю по субботам и первым делом давал мне и брату по подзатыльнику.

— Сын, — спрашивал он у отца, — когда ты в последний раз порол детей?

— Вчера! Вчера, после обеда, как раз порол, — быстро отвечала мама, — два раза. Один раз под виноградом, чтобы не ели зеленый, а другой раз в курятнике, чтобы…

— Врешь, невестка! — не верил дед. — Как можно пороть под виноградом или в курятнике? Там как следует не размахнешься. Бог сказал: «Если детей своих не бьешь, значит, их не любишь!»

— Это он Вам сам сказал? — уточняла мама.

— Не дерзи, женщина! — отрезал дед. — Я тебе дал хорошего мужа, потому что порол его каждую субботу! И не потому, что он ел зеленый виноград, а потому что так положено! Чтобы помнил правила!

— Какие правила?

— Какие надо!

— Плов остынет, — говорил отец. — Пошли в дом. После обеда попорем обоих. Поможешь, отец?

— А как же! — отвечал дедушка и молился.

Молиться — это значит закрыть глаза, поднять голову кверху, быстро-быстро пошевелить губами, провести руками по лицу, как будто моешься, и сказать: «Омин».

— Омин! — говорил дедушка. — Обед, татары.

— Омин! — говорили мы и проводили руками по лицу.

Дедушка ел много. Я думаю, чтобы не готовить дома и чтобы в животе на больше жизни хватило еды. От этого сразу, когда кончался плов, он засыпал прямо за столом. Мама делала «Тсс!» и отправляла нас со старшим братом делать уроки.

Дедушка просыпался через пятнадцать минут.

— Сын! — кричал он. — Чем пороть будем: ремнем или хворостиной?

— Ремнем, — отвечал папа, — только в следующий раз. Мы тебя не дождались. Я посадил их за уроки.

— Ладно, — говорил дедушка. — Уроки еще хуже. Проводи меня.

И уходил…

Просто жизнь

— Наиль, — сказал мне отец, — твой старший брат старше тебя на три года. Не успеешь оглянуться — женится. Поэтому, по совету дедушки, я решил начать строить ему дом возле большой дороги. Я буду строить его две недели вместе с твоей мамой и с твоим старшим братом, у которого всегда рука в штанах, потому что он стремительно превращается в мужчину. Твоя старшая сестра будет варить нам плов. Спать мы будем очень мало, и под открытым небом. Спасибо, что мой папа Малик согласился взять тебя на эти две недели к себе.

— Ты говоришь, как дедушка, — заплакал я.

— Правильно, — ответил отец, — потому что я его сын. Когда ты вырастешь, ты будешь говорить точно также.

— И у меня будет один глаз, и я буду кричать «шара-бара» по воскресеньям?

— Это если повезет. Запомни, Наиль, ты татарин. Мы все татары. Я татарин, твоя мама татарин, твоя брат и сестра татарин, и даже тетя Роза, которая приходит в воскресенье за селедкой, тоже татарин. А особенно татарин твой дедушка Малик, который согласился за две недели сделать из тебя настоящего татарского мужчину!

— Я не буду держать руку в штанах. Девчонки в классе будут смеяться.

— Сейчас каникулы. Никаких классов нет. Не говори глупостей. Вопрос решен!

Утром сестра повела меня к дедушке.

«Интересно, — думал я, — он будет меня пороть ремнем или хворостиной? Или по выбору? Если по выбору — что лучше?»

Меня ни разу в жизни не пороли, и я затруднялся с ответом. «Вот придем мы, — думал я, — к деду и он спросит: „Ну, что, маленький татарин, ремнем или хворостиной?“».

Что ответить?

«Надо было самому попробовать ударить себя ремнем и хворостиной», — подумал я последнюю мысль, потому что мы уже пришли.

Я ни разу не был у дедушки. Мы с сестрой стояли возле больших деревянных ворот, в которых была вырезана маленькая дверка, которая была закрыта. За воротами лаяли собаки. На слух две. Или три.

— Кто? Кто? Кто? — гавкали из-за ворот собаки.

— Я привела Наиля, принесла его вещи и еду на две недели! — прокричала сестра сквозь собак.

— Оставь все на улице и уходи! — послышалось из-за ворот.

— Не уходи, — сказал я.

— Будь мужчиной, не плачь, — сказала сестра, положила вещи на землю и ушла.

Я решил последовать совету сестры — засунул руку в штаны, приготовился к самому худшему и стал ждать.

«Все-таки лучше ремнем, — думал я. — Хоть это, наверное, и больней, но зато полосы будут широкие и я смогу сказать, что это от горчичников. Конечно, пацаны на канале спросят — а чего такие тонкие горчичники? Я тогда скажу, что это китайские специальные горчичники, которые привезла тетя Роза в подарок на 1 мая. Все знали, что тетя Роза ездит в Китай и что-то оттуда привозит в мешках…»

Прошло много времени. Я не умею считать время, когда каникулы. Когда учеба, то время считается уроками и переменами, а когда каникулы, то часами. Но часов у меня не было.

— Ну что, долго ждал? — услышал я за спиной. И кто-то повернул меня кругом за плечи. Это был дедушка.

— Долго, — честно ответил я.

— А откуда ты знаешь, что долго?

— Время шло.

— Дурак. Времени нет. Время придумали часовщики, чтобы деньги у дураков собирать. На кой нам черт знать, сколько сейчас времени, если при нынешней власти перерывы в магазинах отменили, а водку продают круглые сутки?

— Не знаю…

— Не знаешь, потому что дурак. Я тебя буду учить, и ты будешь не дурак, а хитрый татарский мальчик.

— Дедушка Малик, а можно ты меня будешь учить не хворостиной, а ремнем?

— Не называй меня дедушка Малик. Это по-русски. Зови меня по-татарски — Бабай. Я тебя буду учить и хворостиной, и ремнем. У вас в школе сколько предметов?

Я «помолился» губами и ответил:

— Пять.

— Значит, надо еще три придумать… кроме ремня и хворостины… — В свою очередь «помолился» дедушка и заглянул в узел, который оставила сестра, не тем глазом. Вместе с не тем глазом в мешок залез нос.

— Сыр, мясо, хлеб, картошка, макароны, крупа и масло. Мало. На нас двоих на две недели не хватит. Ты много ешь?

— Сколько мама дает.

— Это хорошо. А черешню любишь?

— Очень.

— Это еще лучше. А селедку?

— Не очень.

— Это плохо.

Дед повел меня куда-то вдоль забора и привел к неприметной доске, которую отодвинул, и ловко пролез сквозь дырку. Я пролез еще ловчее. Пока дед прилаживал и маскировал доску, я спросил:

— Дед, а зачем мы ходим не через ворота?

— Когда на нас нападут киргизы, узбеки или русские — они полезут через ворота, и тогда мы нападем на них сзади.

— А если ворота вообще убрать?

— Дурак! А как мы будем выводить быков? И вообще… Если ворот не будет, они найдут доску.

— Кто найдет, дед, быки?

— Не зови меня дед, зови Бабай! Один раз повторять не буду!

Дедушка справился с доской и сказал трем большим и маленьким собакам, которые ждали приказа, в какой момент им начинать меня есть:

— Это мой внук Наиль. Он такой же татарин, как и все мы, но маленький. Поэтому его можно пускать всюду, кроме лошади, и принимать из его рук пищу, если ему удастся ее здесь найти. Питаться самим Наилем нельзя. Точка.

— Есть! — разочарованно, но вместе с тем учтиво гавкнули собаки, и пошли охранять лошадь.

— Бабай, — спросил я по-татарски, — а почему нельзя подходить к лошади?

— Она может подумать, что твои зеленые руки — это трава, и откусит их.

— Это просто «цыпки». Мама зеленкой намазала.

— Напрасно деньги тратила на аптеку. Надо было выпороть и все бы прошло само.

У дедушки был большой дом и большой двор с разными строениями. Оттого, что строений, больших и маленьких, было много и между ними росли деревья, закрывая небо и окрестности, определить размеры дедовых владений с первого взгляда я не смог.

Дед громыхнул ключами, которые он носил на шее на кожаном ремешке, и открыл дверь большого дома. Мы сразу оказались в кухне.

— Смотри, Наиль, это холодильник, — сказал дедушка, — он младше меня всего на один год, но выглядит значительно моложе. Спроси меня, почему?

— Почему? — спросил я.

— Потому что я за ним ухаживаю лучше, чем твоя мама за мной.

— «ЗИЛ», — прочитал я на двери холодильника, и, чтобы поддержать разговор, спросил:

— А что такое «ЗИЛ», Бабай?

— Это оно так называется.

— А что означает «ЗИЛ»?

— Я думаю, что оно означает какое-то русское слово. У русских много ненужных слов. Их необязательно запоминать.

— А на нашем холодильнике написано «Бош».

— Вот видишь. Какой уважаемый татарин придумает такое дурацкое слово «Бош»?

Дед осторожно открыл «ЗИЛ» и стал аккуратно перекладывать продукты из мешка, который прислали вместе со мной, в холодильную камеру.

— Смотри, — сказал он, когда закончил, — какой хороший холодильник. В нем еще осталось много места. В следующий раз скажи маме.

— Хорошо, Бабай, — сказал я.

К холодильнику подошел старый, одноглазый, как дедушка, кот и тоскливо заглянул внутрь.

— Кот, — сказал я.

— Да, — сказал дедушка.

— Как его звать?

— Кот и звать.

— А имя?

— Зачем ему имя — он не холодильник. Если хочешь, зови его ЗИЛ.

— А как ты его зовешь, Бабай?

— Кс-кс-кс… — ответил дед.

Кот удивился и оживился одновременно. В его единственном глазе мелькнула надежда и он сделал робкий шаг к продуктам.

— Кот хочет есть, — сказал я.

— Да, — сказал дедушка.

— Бабай, а чем ты кормишь кота?

— Дверью, — ответил дед и закрыл холодильник.

— Это как?

— Когда он хочет есть, я открываю дверь, и он идет искать пищу. На улице полно всякой пищи для котов.

Дед открыл дверь на улицу и вытолкал туда кота.

— А какая на улице пища для котов?

— Мыши, птицы… Воробьи… Много всякого.

— А дома ты его не кормишь?

— Зачем, если с улицы он приходит сытый?

— Бабай, а почему у него, как у тебя, один глаз?

— Какой-то сволочь, наверное, стрельнул в него из ружья. Пойдем, я покажу тебе дом.

Дед водил меня по дому и говорил, открывая дверь за дверью:

— Вот комната. Вот комната. Вот комната. Вот комната. Вот комната…

Все комнаты были совершенно пустые.

— А вот комната с диваном. Я вот так ложусь и сплю.

Дед лег и закрыл глаза.

— Наиль, позови кота. Пусть у меня на животе полежит.

Я немножко поплутал по дому, нашел выход и крикнул на улицу:

— ЗИЛ! ЗИЛ! Тебя Бабай зовет!

Откуда-то выскочил кот и шмыгнул мимо меня в дом. Когда я нашел комнату с диваном, все уже спали. Дед снизу, а кот сверху.

Я вышел из дому и сел на крыльцо скучать. Возле меня сели собаки и тоже стали скучать. Из самого большого сарая высунулась большая лошадиная голова. Она оглядела двор, увидела, что деда во дворе нет, и тоже скрылась скучать, как и мы, только в сарае.

Без деда жизнь в его мире замирала. Никто ничего не делал.

Я сходил к сараю, откуда снова высунулась лошадиная голова, и потрогал ее шершавые губы.

«Как может быть такая большая голова?» — подумал я и пошел скучать к собакам. Собаки спали на крыльце, куда падала тень от большого ореха. Я выбрал собаку покрупнее и почище, положил на нее голову, подумал, что мне совершенно не хочется спать, и тут же заснул.

— Вставай, Наиль, — сразу же сказал дед, — ты можешь проспать жизнь.

— Я только лег.

— Это тебе так кажется. Ты спишь уже пятнадцать минут. Сейчас мы будем кормить скотину.

— Дверью?

— Нет. Скотина — это не кот.

— ЗИЛ, — поправил я.

— Ну ЗИЛ, — согласился дедушка.

Мы кормили лошадь овсом, а собак и цыплят — вареным овсом.

— Наиль, — спросил дед, — ты до скольки умеешь считать?

— До миллиона.

— Хорошо. Сосчитай цыплят.

— Двадцать девять, — сказал я.

— Хорошо, — сказал дед, — цыплята — это хороший бизнес.

— Бабай, а что такое бизнес?

— Не знаю, — сказал дед. — Пойдем ужинать. Солнце садится.

Дед повел меня почему-то не домой, к холодильнику, а вдоль длинного забора к воротам. Возле ворот, закрывая их больше, чем наполовину и не давая открываться, лежала огромная спиленная черешня с кучей полузрелых ягод.

— Наиль, — сказал дед, — мне для тебя ничего не жалко, ешь до отвала!

— Мама запрещает мне есть недоспелую черешню. Она говорит, что может быть понос.

— Твоя мать русская и ничего не понимает в татарской черешне. От татарской черешни не может быть русского поноса.

Дед выбрал ягоду покрасней и съел.

— Если хочешь, можешь, конечно, идти спать сразу. Без ужина, — сказал он.

Мы ели черешню очень долго. Черешня, даже зеленая, вкуснее всяких сыров и лепешек.

«Пусть дед порет, — думал я, — зато дает черешни столько, сколько хочешь. Это уравновешивает», — вспомнил я какое-то школьное слово.

Наевшись черешни до отвала, мы сели на крыльцо поикать. ЗИЛ и собаки легли в ногах.

Крыльцо

— Бабай, — икнул я, — зачем ты спилил недоспевшую черешню?

— Потому что она была на роге у яка, которого я вырастил для бизнеса. Только не спрашивай у меня, что такое бизнес, — икнул в ответ дед.

— А почему на роге у яка черешня?

— Потому что, когда узбеки выводят яка из двора на убой, они надевают ему на голову мешок и к каждой ноге привязывают цепь.

Четыре узбека на цепях, а один тянет за веревку. Я в это время прячу собак, чтобы они не напугали яка. Позавчера одна собака спряталась и гавкнула в неподходящий момент. Як от страха мотнул головой и вырвал эту черешню с корнем. Вытащить рог из черешни мы не смогли, поэтому спилили черешню, и як ушел на бойню с полдеревом, — длинно икнул дед.

— Они принесли потом тебе полчерешни назад?

— Зачем?

— Дрова же.

— Молодец, — разочарованно икнул дед, — а я как-то не подумал.

Вырванная яком черешня освободила кусочек звездного неба, и мы смотрели на мерцающие звезды. Звезды переменили настроение деда.

— Помолимся, — сказал он.

Мы пошевелили губами, сказали: «Омин» — и «умылись» сухими ладошками.

— Бабай, как ты думаешь, где Бог?

— На небе, конечно, балда.

— А как он слышит, если мы молимся так тихо?

— Этого я не знаю.

— Я смерти боюсь.

— Зачем? После смерти мы пойдем в рай.

— А что такое рай?

— Бог сказал — сюрприз.

— Даже не намекнул?

— Зачем? Я, правда, слышал, что все получат там все, что хотят. Я вот старый, наверное, скоро умру. И получу.

— А что бы ты хотел получить в раю, Бабай?

— Второй глаз. Чтобы шоферские права вернули.

Я посмотрел на кусочек видного неба и попытался представить Бога. Бог был похож на деда. У него бы тоже один глаз, только посередине лба, и он удил людей на удочку.

— Ай-ай-ай! — сказал дед. — Наиль, ты спишь, а я уже помолился и забыл тебя выпороть. Склероз. Завтра два раза должен буду. Ты напомни мне.

— Хорошо.

Просто жизнь

Пи́сать стало хотеться сильнее, чем спать. Я пробирался по стенам, сто раз ошибаясь дверями, и пописал в угол какой-то комнаты. «Жарко, — решил я, — все высохнет, и дед одним глазом не заметит. А если заметит, подумает на кота. Не подумает же он на меня…»

— Пук! — послышалось с улицы. Как выстрел. Я был умный татарский мальчик, и понял, что на нас нападают киргизы, узбеки или русские.

«Надо разбудить дедушку, — подумал я, — и воспользоваться той доской, о которой пока еще никто не знает».

От страха я нашел комнату дедушки мгновенно. Телевизор передавал голых теток. Они меня не интересовали. Я выбежал во двор. Мне было страшно. Мне казалось — покажись сейчас Бабай, и все пройдет.

— Стоять! — услышал я голос Бабая. — Тихо!

Мои глаза пригляделись, и я увидел, что дед лежит на земле и метит в кого-то ружьем.

— Наиль, ползи тихо! — услышал я.

Я тихо подполз к лежащему дедушке, который единственным глазом целился из ружья куда-то в темноту.

— Видишь кота? — прошептал он.

— Вижу, — прошептал я, — а где они?

— Кто?

— Русские, узбеки и киргизы.

— Спят. Какая тебе разница, пусть сами охраняют своих цыплят.

— Давай прогоним кота!

— Тихо, дурак, он завтра снова придет, его надо застрелить. Правильно?

— Правильно, Бабай, а почему ты держишь ружье не в ту сторону, где кот?

— Не учи меня стрелять котов, сопляк!

— Вон кот, на заборе.

— Точно, — сказал дед, развернулся и пульнул. Кот взвизгнул и убежал.

— В жопу попал. Похромает и все пройдет.

— Ну и что?

— Завтра снова придет, сволочь. Иди спать.

— А ты?

— Я не буду. Если я усну — из ста цыплят у меня не останется ничего.

— Я буду не спать с тобой! — сказал я и приткнулся на кошму.

— Молоде… — услышал я от дедушки все буквы, кроме последней «ц». Так вкусно мне не спалось никогда.

«Это все фигня, — снилось мне, — что у моего старшего брата рука в штанах, зато я воин».

Мне снился дед на коне. Он стрелял куда-то в темноту из ружья и кричал: «Где вы? Выходите? Я вам дам цыплят! Их у меня много в ружье!»

— Вставай! — разбудил меня дед. — У нас беда! Пришел твой друг ЗИЛ. Он где-то лазил и ему прострелили жопу дробью… есть же сволочи.

— Настоящий татарин должен отомстить, Бабай? — смело спросил я.

— Да, но сначала настоящий татарин должен родить сына, посадить черешню, построить дом и даже сарай, начнем прямо сейчас. Незачем тянуть.

— Бабай, а как родить сына?

— Я потом расскажу.

— Когда?

— Когда писька дорастет до пупа.

Я померил, получалось очень долго.

— Тогда начнем с дерева, — сказал дед, — тем более что мы потеряли черешню. Иди в сарай и принеси лопату. Там на улице растет ничья черешня. Мы ее выкопаем. Посадим. И она будет «чья».

— Бабай, черешня уже надоела.

— А ты что, видел на улице бесплатный персик?

— Нет.

Я пошел в большой сарай за лопатой. Ключом, который из кучи других безошибочно вытащил мой дед, я открыл дверь и вгляделся в темноту.

В сарае стояли рядами (я потом посчитал) сто лопат, сто кирок, сто грабель и еще чего-то по сто, чему я не знал названия. Я взял крайнюю лопату и вышел во двор.

— Бабай, — сказал я, — над тобой кто-то пошутил и занес потихоньку в сарай всего по сто.

— Нет таких дураков, — сказал дед, — чтобы они отдавали вещи. Это я сам купил.

— Зачем тебе столько лопат?

— Дурак! А если война?

Я не знал, что такое война, и учтиво промолчал.

— Железные лопаты могут лежать сколько угодно. Это тебе не черешня. Кушать хочешь?

— Нет, — ответил я, вспомнив про черешню, — хочу копать.

— Люблю трудолюбивых. А нетрудолюбивых не люблю.

— Мама сказала: «Бог любит всех».

— Он что, шофер первого класса?

— Кто?

— Бог.

— Не знаю.

— Ну вот. Не знаешь, а открываешь рот для мух. Ты что — тупой?

Я обиделся и замолчал. Дед тоже замолчал. Мне показалось, что он пожалел, что назвал меня тупым.

— Это хорошо, Наиль, что ты глупый мальчик, — немного погодя сказал дед.

— Почему?

— Потому что твоя культурная мама не заставит тебя таскаться с позорной скрипкой в музыкальную школу, и ты будешь героическим шофером первого класса, как твой дед.

— Я хотел спросить — почему я глупый?

— Ты хочешь сказать, что ты умнее меня?

— Нет.

— Вот, а я же шофер.

— Как Бог?

— Почти. Но о Боге днем не говори.

— А когда?

— Только вечером на крыльце.

— Хорошо.

Крыльцо

— Бабай! Ты спишь? — разбудил я деда, который храпел, сидя на крыльце, между двумя большими теплыми собаками.

— Конечно, нет. Это я так думаю. Настоящий татарин не может лечь спать, пока он не помолился. Помолимся.

Мы закрыли глаза. Пошевелили губами и умылись сухими руками.

— Бабай!

— Да.

— Я вчера во сне Бога видел.

— Откуда ты узнал, что это Бог?

— Он на небе был.

— Может, это космонавт. На нем был скафандр?

— А что такое скафандр?

— Ну, это такое на голове. Непонятное.

— Кажется, было что-то на голове.

— Значит, космонавт!

— Космонавт — это Гагарин?

— Что такое «гагарин»?

— Нам учительница говорила, что космонавт — это Гагарин.

— Запомни, маленький татарин, твоя учительница глупа, как все женщины, слова «гагарин» нет… скажи еще ЗИЛ… Космонавт — это шофер ракеты.

— Шофер первого класса?

— Нет, я думаю даже высшего или даже очень… Пошли спать.

— Я думаю, такие шоферы ракет видят Бога.

— Запомни, маленький татарин, все шоферы видят Бога! Кстати, мы уже молились или тебя пороть?

— Молились, но если ты хочешь, то давай пороть.

— Кого?

— Из нас двоих, наверное, только меня.

— После молитвы нельзя пороть. После молитвы надо спать.

— А цыплята…

— Не бойся. Твой меткий Бабай убил вчера чужого кота. Отбой.

Жизнь

— Наиль, вставай, уже утро! Пора завтракать. Ты не помнишь, мы вчера ели чего-нибудь или нет.

— Кажется «или нет».

— Тогда мы сейчас поедим. Ты до скольки умеешь считать?

— До миллиона.

— Подойдет. Сходи в сарай и посчитай, сколько там бочек, которые пахнут селедкой.

В сарае, за лопатами, кирками и всем тем, чего у деда было по сто штук, стояли пять огромных бочек. От них чем-то противно пахло.

— Пять, Бабай. А можно я их не буду нюхать.

— Надо было лучше купить двести лопат. На войне лопаты нужнее, чем гнилая рыба. Как ты думаешь, Наиль, что делать с селедкой? Эту селедку уже не едят ни собаки, ни тетя Роза.

— Выкинуть?

— Дурак. Ты что, русский, что ли? Вещи выкидывать.

— Русские на канале пьют пиво возле желтой бочки, — сказал я все, что знал про русских.

— Ты превращаешься в настоящего татарина, благодаря моему воспитанию. А это я тебя еще не порол. В тебе просыпается ум.

— Почему?

— Потому что пивом торгует хромой Рашид. Я ему продам всю селедку. Он будет продавать ее русским. Им еще сильнее будет хотеться пива от этой противной селедки, и он будет получать от них еще деньги. Понял, почему?

— Понял, — сказал я, хотя меня интересовало не то, как хромой Рашид будет обманывать русских, а почему дед не начинает меня пороть, и значит ли это, что порки «накапливаются», и он когда-нибудь выпорет меня за все дни, или, как в футболе, те, пропущенные, порки будут «заиграны» и как бы не будут считаться.

Весь день мы катали с дедом огромные бочки на канал к Рашиду.

Когда Рашид открыл бочки, он сказал:

— Татары! Эти бочки надо сбросить с моста, потому что русские, которые приходят пить пиво, не такие сильные желудком,

как тетя Роза. Они могут умереть от этой рыбы, и тогда их родственники перестанут со мной разговаривать.

Мы сбросили бочки с моста. Канал проглотил их и довольно заурчал волной.

— Бабай, — сказал я, — каналу понравилась твоя селедка.

— Ему не понравилась, — ответил за деда Рашид, — просто он из вежливости. Этот канал татары копали.

— А учительница говорила, что солдаты.

— Правильно. А татары торговали рядом пивом и пирожками. Поэтому солдаты не умерли с голоду. А то, если бы умерли, кто бы копал, по-твоему?

— Татары?

— Наиль! Когда разговаривают старшие, нужно молчать и слушать мудрости! — прервал меня дед.

— Я понимаю, Бабай, — сказал Рашид, — сегодня у тебя горе, пропала селедка, которую не ест даже тетя Роза, поэтому я даю тебе бесплатно ведро пива.

— Теперь понял, Наиль, что такое настоящая татарская дружба?

— Да, Бабай.

Дома дед спросил:

— Наиль, ты умеешь писать?

— Да, и считать до миллиона.

— Не перебивай. У меня нет ничего по миллиону, чтобы считать. Пиши: список друзей, чтобы они выпили пиво. Написал?

— Написал.

— Пиши: киргизы с Глиняной улицы — Бектур, Марат, Курмангазы, Маркенгелен…

— Такого имени не бывает, Бабай.

— Бывает — это Маркс, Энгельс и Ленин.

— Они придут все трое?

— Нет. Один будет пить за всех троих. Не перебивай. Пиши: узбеки с Кривого переулка… Махмуд, Махамед, Мухаммед и его брат Махмуддин. Записал?

— «Записал» — это тоже один человек?

— Не перебивай. Пиши. Русские…

— С какой улицы?

— Со всех. Анатолий, Толик, Толян и его шурин.

— Шурин — это Шурик?

— Нет. Шурин — это человек без дна. Одного ведра нам не хватит, Наиль. Как думаешь, Рашид не обменяет остатки черешни на еще одно ведро?

Вечером пришли друзья Бабая. Они пили, ели, пели песни и вспоминали, как они были молодыми шоферами и катали девушек в коротких платьях на больших машинах.

Я уснул на собаке, а проснулся на кровати деда. Дед ел сыр.

— Бабай, уже другой день или этот? — спросил я у деда.

— Этот, — ответил дед, — ты хочешь сыр или приключений?

Мне очень хотелось сыра.

— Приключений, — сказал я.

— Очередным твоим приключением будет отсутствие сыра в твоем брюхе три дня.

«Ошибся», — подумал я.

— Нет, ты не ошибся, — сказал дед, — потому что ты будешь добывать пищу, как все.

— Бабай, — сказал я, — я не могу добывать пищу. Я маленький.

— Тогда ешь черешень, — сказал дед.

Я пошел есть черешню. Она уже не казалась такой вкусной.

«Фигня осталось, — думал я, — дерево я уже посадил. Построю быстренько дом и спрошу у деда, как рожать сына. Скажет ведь, наверное. Прям уж тайна…»

Крыльцо

— Бабай, когда еще раз нападут узбеки, киргизы и русские?

— А когда они нападали?

— Сегодня. Я целый час мыл посуду. Война это плохо.

— Война — это плохо, — повторил дед, — но лопаты надо куда-то девать.

— Мама говорит: «Не надо волноваться: Бог все устроит».

— Ой... — сказал дед, — Бог! Мы же еще не молились сегодня.

Мы пошептали, умылись и сказали: «Омин».

— Ты, наверное, думаешь, Наиль, что твой Бабай — старый дурак, и поэтому забыл тебя сегодня выпороть?

— Нет. Меня надо выпороть уже пять раз, и мне страшно думать о том, что когда-нибудь ты меня выпорешь пять раз подряд.

— И правильно. Маленькие должны уважать старших. Так Бог сказал.

— Он сам Вам об этом сказал? — спросил я словами мамы.

— Сам, — сказал Бабай. — Он сегодня с нами пил пиво.

— А почему я Его не видел?

— Потому что у тебя еще не выросли глаза.

Я попытался сделать глаза больше. Но уже была ночь, и они сами по себе уменьшались и уменьшались.

Просто жизнь

— Наиль, ты когда последний раз считал цыплят?

— Никогда. Они куда-то ушли, Бабай.

— Улетели в жаркие страны? Мне кажется, — сказал дед, — что они ушли в брюхо к твоему другу ЗИЛу.

— Этого не может быть. Они ему, как братья, — вспомнил я где-то слышанную фразу.

— А почему он тогда не просит есть и не приходит домой. И еще он нассал в доме.

— Бабай, ЗИЛа жалко — ему кто-то застрелил задницу. И потом, раз нет цыплят — останется лишний корм для лошади.

— Молодец, Наиль. Ты становишься настоящим татарином.

Я вытащил письку и стал подтягивать ее к пупу, чтобы померить.

— Нет, — сказал дед, — я в смысле, что научиваешься хитрить. Кто стучал в ворота, пока я чистил лошадь?

— Приходила тетя Роза. Она сказала, что где-то в конце канала узбеки выловили пять бочек с селедкой. Сказала, если ты хочешь, то можно сделать неплохой бизнес. Они просят по барану за бочку.

— Я не знаю, Наиль, что такое бизнес. Но по барану за бочку — это выгодно. Надо подумать.

— Сказала, зайдет завтра. И один баран ей.

— Этот баран будешь ты.

— Почему?!

— Потому что у нас нет баранов. У нас лошадь. Иди мой посуду и ведра. Скоро ночь.

— И еще она сказала, что папа просил, чтобы я пожил у тебя до конца лета.

— И что ты решил?

— Я подумаю.

— Я тоже.

Крыльцо

— Бабай, — спросил я, — ты как-то говорил… а почему шоферы могут видеть Бога?

— Все могут видеть Бога. Зачем спрашиваешь?

— Хочу у него чего-то спросить.

— Спроси у меня. Может, я знаю.

— Я у тебя стесняюсь.

— Ну как хочешь. Спроси у Самого. Помолимся.

Мы пошептали, «умылись» и сказали: «Омин».

— Сорок восемь, — сказал я.

— Сорок девять или даже пятьдесят. Меня не обманешь.

Просто жизнь

— Бабай, скоро придет сестра и заберет меня назад.

— Ну и что?

— Тебе тяжело жить одному. Когда я уйду, кто будет мыть для тебя посуду?

— Когда ты уйдешь, будет почти осень… киргизы приведут яков.

— Я видел на улице бабку в галошах. Если у тебя рука иногда бывает в штанах, может, ты возьмешь ее к себе жить? Она будет мыть посуду.

— Честно говоря, только отцу не говори, она мне тоже нравится.

— Тогда я сейчас позову ее?!

— Стой! Наиль, ты еще маленький, и не понимаешь некоторых вещей.

Мы помолчали.

— Бабай, расскажи мне вещи, которые я не понимаю. Или надо ждать? Я мерил вчера. Писька еще не доросла до пупа.

— Это тут ни при чем. Я не могу взять бабку, которая не татарка. И потом, она зубами с пяток мозоли счищает.

Я попробовал дотянуться зубами до своей пятки.

— Дурак, — сказал дедушка, — вот ты ее совсем не знаешь, а уже пытаешься подражать ее глупостям. Вот тебе подзатыльник для воспитания.

— Бабай, а как она до пятки зубами достает? Как это? Гибкая такая, что ли?

— Зачем. Вот смотри.

Дед вытер руку о штаны, залез себе в рот и достал зубы.

— Ух ты!

— Это еще не «ух ты», — сказал Бабай, — вот «ух ты».

Он скинул с правой ноги резиновый галош и почесал себе зубами пятку.

— Вот это — «ух ты!» Но я так не делаю. Это бабка.

Дед вытер зубы о штаны и вернул их на место.

Мы помолчали.

— Жалко, что не татарка, — сказал я.

— Жалко, — сказал дед.

Крыльцо

— Бабай, мне кажется, что крыльцо становится меньше, а жизнь короче.

— Ты вырос за лето, маленький татарин, и чуть-чуть поумнел.

— Завтра я уйду?

— Завтра ты уйдешь.

— Тогда давай помолимся?

— Старший должен призывать к молитве, а не ты. Давай помолимся.

Мы помолились.

— Скажи, Бабай, когда мы «умываем лицо» — это чтобы чисто было. Когда говорим: «Омин» — значит, конец. А зачем губами шевелить?

— А ты что, просто так шевелишь? Надо не просто шевелить, а тихо просить себе чего-нибудь у Бога.

— Я не знал. Все лето просто так шевелил. Мог бы много выпросить.

— Не бойся, я за тебя просил.

— А что ты просил?

— Я просил: «Бог, дай Наилю то, чего у него нет, и отбери лишнее».

— Хочешь, я скажу тебе, что я хотел попросить у Бога?

— Нет.

— Почему?

— Ты сначала попроси. Нельзя стоять между человеком и Богом.

Просто жизнь

Утром дед, собаки и откуда-то взявшийся хромой ЗИЛ, которого не было месяц, вышли на крыльцо. Лошадь высунула голову из сарая и задумчиво прослезилась одним глазом. Дед сказал речь:

— Наиль, ты прожил со мной целое лето. Я научил тебя всему, что я знаю. Ты не держишь правую руку в штанах, но ты уже почти стал настоящим татарином. Иди и живи дальше.

— Бабай, — спросил я, — а чем отличается настоящий татарин от просто настоящего человека?

— Ничем. Не перебивай. Сегодня ты вернешься домой. Вот в этом мешке еда на две недели. Все. Иди.

— Бабай, а зачем еда? — спросил я.

— Когда ты пришел ко мне с едой, я не спрашивал тебя, зачем еда, которую принесла твоя сестра. Еда, чтобы есть.

— Тогда я пошел.

— Стой. Ты, это… Не говори отцу, что я тебя ни разу не порол. И что его ни разу не порол. Он думает, что я его порол, только он забыл.

— Хорошо.

Дед подошел к воротам и загремел ключами.

— Бабай, а можно я выйду через доску?

Я безошибочно нашел нужную доску или она меня нашла. Вылезать было немного сложней, чем в первый раз влезать.

В нос ударил запах созревшей акации. Она, наверное, тоже выросла и стала настоящей татаркой.

Эпилог

С тех пор прошло много лет. Бабай, как и обещал, умер, и я почти забыл его лицо. Но, когда я чувствую запах спелой акации, я вынимаю руку из штанов и прикладываю ее к сердцу, потому что оно колет. Я не знаю, почему…

На лобовом стекле моей машины с внутренней стороны привязана маленькая иконка, которую мне дала мама. Теперь я знаю, почему шоферы всегда видят Бога.

Я смотрю на Бога и шевелю губами фразу, которую так и не сказал деду: «Боженька! Дай, пожалуйста, дедушке и ЗИЛу еще по одному глазу!»

Стекло машины мутнеет от влаги, и дорога становится не видна. Я включаю щетки, но ничего не меняется.

Автомобильные щетки не могут стереть влагу с моих глаз…